

В шесть часов вечера новость под заголовком [Вэнь Цы и Гао Чэнь разводятся] взлетела на первую строчку поисковых запросов. Тема мгновенно стала самой обсуждаемой в сети; небывалый наплыв пользователей едва не обрушил серверы платформы.

Всё началось с того, что Гао Чэнь опубликовал в личном аккаунте искреннее признание. В коротком тексте — буквально четыреста-пятьсот иероглифов — он спокойным, но пронизанным меланхолией тоном сообщил о мирном расторжении брака. Основную вину мужчина возложил на собственную никчемность, заявив, что не оправдал ожиданий партнера.

«Пусть любви больше нет, мы навсегда сохраним уважение друг к другу», — гласили финальные строки.

Обычно Гао Чэнь использовал соцсети лишь для анонсов новых песен или репостов саундтреков к фильмам; он редко делился чем-то настолько личным. Его стиль всегда отличался отстраненностью, создавая ощущение дистанции между ним и аудиторией. В прошлый раз нечто подобное случилось лишь за день до свадьбы: тогда артист, известный своим «аскетичным» образом, разразился огромным постом о надеждах на совместную жизнь и решимости оберегать этот союз. В то время вся сеть с упоением обсуждала эту историю, а фанаты музыканта в один голос твердили, что их кумир окончательно «потерял голову» от любви.

Прошло всего три года. Звезда мировой величины, когда-то талантливый, холодный и гордый затворник, спустившийся с небес ради любви, теперь писал строки, полные горького разочарования и бессилия. Тот старый пост, которому когда-то завидовали миллионы, был давно удален. История любви, которую когда-то сравнивали с «чистым снегом на вершинах и ясной луной в облаках», пришла к столь печальному финалу, вызывая у публики лишь тяжкие вздохи.

Это событие привлекло куда больше внимания, чем недавний скандал с Ся Цином. Та история постепенно превращалась в запутанный комок: обвинитель прекратил преследование, сторона Ся Цина хранила гробовое молчание, оставляя зевак в недоумении. Случай же Вэнь Цы и Гао Чэня был иным. В этой драме переплелись судьбы двух топовых артистов и влиятельного богача Хань Шаочжоу. Единственным белым пятном оставались три года их затворничества, о которых никто ничего не знал. В остальном же — от завязки до финала — вся их жизнь прошла под пристальным взором миллионов.

Спустя полчаса после публикации Гао Чэня, Вэнь Цы сделал репост. Он не стал писать лишних слов, лишь прикрепил эмодзи рукопожатия, тем самым официально поставив точку в этой громкой истории.

Интернет буквально взорвался. Даже те, кто обычно не следил за шоу-бизнесом, поспешили на «место происшествия», чтобы поделиться догадками.

— Что значат эти слова Гао Чэня? Он пишет, что подвел Вэнь Цы... Неужели он изменил?

— Очевидно, музыкант в чем-то провинился. Иначе с чего бы ему быть таким смиренным? Поддерживаю Вэнь Цы, пусть он его прищучит!

— У вас есть доказательства? Не видите — люди написали, что развод мирный. Этот человек такой выдающийся, скорее русалка отрастит ноги, чем он пойдет на измену.

— Честно говоря, читаю строки бывшего кумира, и сердце кровью обливается. Каким он был холодным и неприступным раньше... Да, брак изматывает похлеще бессонных ночей.

— Да бросьте! Артист бросил карьеру на пике ради него, а Гао Чэнь после свадьбы скатился на самое дно. Кого тут жалеть? Вэнь Цы — вот кто заслуживает сочувствия.

— Смешно слушать. В свое время именно Вэнь Цы активно бегал за Гао Чэнем. Сначала стащил легенду музыки с пьедестала, а потом бросил его, когда у того начался спад. Уж не знаю, с чего бы мне его жалеть.

— О, фанатки Гао Чэня подтянулись. Считаете своего кумира святым? Я думаю, главная ошибка Вэнь Цы — это то, что он когда-то отверг ухаживания молодого господина Ханя. Выбери он его тогда, сейчас был бы аристократом с виллой на горе Шампань.

— Послушайте, тут спорят только фанаты? Я один думаю о том, что раз Вэнь Цы теперь свободен, есть ли у них с Шаочжоу шанс на воссоединение?

***

Около часа дня Мо Мин приехал в театральную труппу «Дашан».

Изначально он планировал вернуться в театр только после завершения съемок реалити-шоу, но раз сроки сдвинулись, решил заранее обсудить свое возвращение с наставником. Дальнейшая жизнь обещала быть простой и понятной.

Мо Мин отправился в административный корпус на поиски Чжоу Исяна, но ассистент сообщил, что тот ушел на обед со старыми друзьями и еще не вернулся.

Юноша не стал ждать в кабинете, а решил заглянуть в репетиционный зал, чтобы посмотреть, как продвигаются дела у Ци Юэ и Ся Сяотан.

Путь из офисной зоны к залу лежал через длинную крытую галерею. В это время актеры всю готовились к вечернему спектаклю, и в коридорах почти никого не было. Тем заметнее оказалась фигура человека, сидевшего на парапете галереи.

Мужчина сидел боком, прислонившись к колонне. Черная маска была спущена под подбородок, обнажая поразительно красивое, но совершенно бесстрастное лицо.

Мо Мин непроизвольно замедлил шаг и замер, глядя на него. Точнее, его взгляд приковала гитара цвета натурального дерева в руках незнакомца.

Он узнал этот инструмент... Чжоу Исян хранил его у себя все эти годы.

Мимо юноши прошли две уборщицы с ведрами и швабрами. До его слуха долетели обрывки их приглушенного спора.

— Лицо какое-то знакомое...

— Да ты что! Это же Гао Чэнь, певец знаменитый.

— Откуда мне певцов знать? Просто похож на того парня, чьи плакаты у дочки в комнате наклеены. А ты откуда его знаешь?

— Почаще в интернет заглядывай, всё знать будешь. Сейчас весь интернет гудит, что этот Гао Чэнь разводится...

Голоса женщин затихли вдали.

Тяжелые тучи плотно затянули небо. Тусклый свет падал на музыканта, делая его образ еще более холодным и одиноким. Даже сидя, он сохранял безупречную осанку. Черная куртка в спортивном стиле, белая рубашка, застегнутая на все пуговицы до самого воротника — во всем его облике сквозила аскетичность. Резкие черты лица в сочетании с этой аурой создавали впечатление хрупкой, почти ледяной отстраненности.

Возможно, Мо Мин смотрел слишком долго, потому что мужчина поднял голову и взглянул на него. В глубоких темных глазах не отразилось почти никаких эмоций. Лишь тогда юноша отвел взор от гитары и вежливо улыбнулся.

Гао Чэнь всмотрелся в лицо незнакомца. Его брови едва заметно дрогнули, словно в мимолетном сомнении, но в итоге он лишь формально кивнул и снова сосредоточился на инструменте. Мужчина принялся подтягивать струны, а затем бегло и уверенно исполнил небольшой фрагмент песни.

Спустя пару минут он снова поднял взгляд. Юноша всё еще стоял там, не сводя глаз с гитары. Казалось, он погрузился в воспоминания, и его взгляд был немного затуманен.

— Что-то не так? — спросил Гао Чэнь. Его голос звучал холодно, но вежливо.

— Красиво, — тихо отозвался Мо Мин.

Мужчина на миг замер. Уголок его рта дернулся в горькой, почти самоироничной усмешке.

— Спасибо, — сухо бросил он.

— Простите... можно мне ненадолго взять эту гитару? — мягко спросил Мо Мин.

Гао Чэнь промолчал, продолжая изучать лицо собеседника.

— Буквально на минуту, — добавил юноша.

Певцу вовсе не хотелось отдавать инструмент в руки незнакомца, но в чертах этого юноши он неожиданно уловил некое странное чувство узнавания. Это ощущение вызывало вопросы, но одновременно заставляло невольно ослабить бдительность.

Помедлив, Гао Чэнь передал гитару Мо Мину, серьезно предупредив:

— Осторожнее. Это вещь моего лучшего друга. Она мне очень дорога.

Мо Мин кротко улыбнулся. Прижимая инструмент к себе, он присел на скамью в другой стороне галереи. Юноша не стал играть сразу. Его длинные изящные пальцы нежно коснулись струн и корпуса, а в глубине черных глаз словно за клубился мягкий туман.

Гитара была сделана на заказ. На деке из светлого дерева отчетливо проступал естественный рисунок волокон в форме буквы «Z».

— Учитель Чжоу отдал её вам? — не поднимая головы, негромко спросил Мо Мин.

— Да, — коротко ответил Гао Чэнь.

Он с удивлением заметил, что юноша держит инструмент профессионально, а его нежный взгляд был направлен на него так, словно тот был величайшей ценностью в мире.

— Ты знаком с этой гитарой? — спросил Гао Чэнь. — Был фанатом брата Чжоу?

Мо Мин лишь слегка улыбнулся, не подтверждая и не опровергая догадку.

— Позвольте сыграть одну мелодию?

Гао Чэнь прислонился спиной к колонне и спокойно посмотрел на него:

— Я только что настроил её. Попробуй.

Он предположил, что перед ним кто-то из актеров труппы. Его бывший сокомандник, Чжоу Сюй, был приемным сыном владельца театра Чжоу Исяна, поэтому певец бывал здесь раньше. Хотя за последние три года он ни разу не переступал порог этого здания, старых актеров он еще мог смутно припомнить по лицам.

Тяжелые тучи на горизонте немного разошлись, и лучи послеполуденного солнца пробились сквозь облака. Свет озарил Мо Мина, создавая вокруг него теплое сияние. Юноша прижал корпус гитары к себе, опустив взгляд на струны. Его густые ресницы отбрасывали тени, похожие на маленькие веера. В этот момент он был похож на персонажа тихой и нежной акварели.

Мо Мин заиграл «Тропинку» — одну из самых известных песен группы «То небо». Он начал негромко напевать под нос, и уголки его губ невольно приподнялись в едва заметной улыбке, словно в его глазах отразилось само солнце.

Гао Чэнь пристально наблюдал за юношей, который, казалось, полностью растворился в легкой мелодии. Спустя несколько секунд мужчина отвел взгляд в сторону, глядя на газон за пределами галереи.

Теперь он редко пел или слушал свои старые песни. Чем популярнее когда-то было произведение, тем сильнее он подсознательно его избегал. Прошлые восторги и нынешняя критика словно жестоко разорвали его надвое, отделив от прежнего «я».

Когда мелодия стихла, Мо Мин поднял глаза на Гао Чэня и, заметив его сложное выражение лица, нахмурился:

— Я где-то ошибся?

— Нет, ты сыграл превосходно. Ни одной неверной ноты, — собеседник смотрел в пол, голос его был глухим. — Просто вспомнилось кое-что из прошлого... Это мои личные проблемы.

Мо Мин встал и вернул гитару владельцу. Посмотрев в его холодные, полные скрытой тоски глаза, он немного подумал и тихо произнес:

— Если вы сравниваете себя нынешнего с тем триумфом, что был раньше, то в этом нет никакого смысла...

Гао Чэнь вздрогнул от неожиданности и вскинул на него взгляд.

— Возможно, стоит вспомнить те чувства, с которыми вы создавали свои произведения... — голос Мо Мина был очень ровным. — Я слышал от брата Чжоу, что многие ваши хиты рождались как импровизация, на порыве вдохновения. «Тропинка» была написана именно так. Если это правда, то на качество ваших работ больше всего влияет ваше собственное состояние. Ваш талант никуда не делся, просто ушло прежнее настроение. Вашему творчеству может мешать что угодно, но только не отсутствие таланта.

Мужчина ошеломленно смотрел на юношу, не находя слов.

Мо Мин перевел взгляд на инструмент и добавил:

— Вы были лучшим другом брата Чжоу. Эта гитара раскроет свою истинную ценность только в ваших руках. Буду с нетерпением ждать новых песен, написанных с её помощью...

Мо Мин вежливо кивнул и направился к выходу.

Гао Чэнь положил гитару на скамью и быстро поднялся.

— Погоди, пожалуйста, — окликнул он.

Юноша остановился и обернулся.

— Прости за нескромность, ты актер этой труппы?

— Скоро им стану, — ответил Мо Мин.

— Мы... мы ведь встречались раньше? — Гао Чэнь слегка нахмурился. Кажется, это было не здесь, а где-то в другом месте.

— Возможно.

Голос юноши звучал дружелюбно, но краткость ответа ясно давала понять, что он не расположен к долгой беседе. Собеседник не стал больше расспрашивать.

— Спасибо за те слова, — лишь сказал он.

— Не за что, — улыбнулся Мо Мин.

Когда он скрылся из виду, Гао Чэнь осознал, что даже не спросил его имени. Он вернулся в страну лишь вчера, и это были первые слова поддержки и наставления, которые он получил. И на удивление, это не были те стандартные фразы сочувствия или пустые ободрения, к которым

он привык...

Как только фигура Мо Мина скрылась за углом, телефон в кармане Гао Чэня зазвонил. Это был его менеджер.

Теперь артист снова подписал контракт со своим прежним агентством — звукозаписывающей компанией «Хуалэ». Будучи когда-то их главной звездой, он получил от руководства максимальное внимание.

— Я же сказал: компания не должна использовать мою личную жизнь, особенно прошлый брак, как инструмент для маркетинга, — отрезал Гао Чэнь.

На том конце провода возникла пауза, затем раздался обеспокоенный голос:

— Ты же понимаешь... Вэнь Цы ушел в «Синцы». Я прекрасно знаю методы Си Нань. Если ты не дашь подробных объяснений на все эти домыслы в сети, общественное мнение обернется против тебя.

— Чистому не нужно оправдываться, — Гао Чэнь тяжело закрыл глаза. Его лицо выражало крайнюю усталость, но голос оставался холодным. — Я больше не хочу говорить о прошлом. С этого момента всё, что я буду представлять публике — это только моя музыка.

***

Обед Чжоу Исяна с друзьями затянулся, и он вернулся в театр только к двум часам дня. Наставник не ожидал, что Гао Чэнь будет его ждать; еще утром он передал гитару ассистенту, чтобы тот вручил её певцу сразу по прибытии.

Связь между Гао Чэнем и Чжоу Исяном возникла благодаря Чжоу Сюю, бывшему сокоманднику. Чжоу Сюй был приемным сыном Чжоу Исяна, но об этом мало кто знал. Когда Сюй только начинал карьеру, их родство было известно лишь в узких профессиональных кругах.

Чжоу Исян, актер старой закалки, человек прямой и добросердечный, всегда с терпением относился к молодежи в индустрии. Он никогда не упускал случая продвинуть своих подопечных из театральной группы. Хотя Гао Чэнь был певцом, Исян относился к нему тепло, как к близкому другу своего приемного сына.

Гитару Чжоу Сюя наставник сам решил передать Гао Чэню. Хранить её у себя было слишком больно — воспоминания терзали душу. Поразмыслив, он решил, что лучшего владельца не найти.

Они проговорили в кабинете довольно долго, пока ассистент не напомнил Чжоу Исяну, что Мо

Мин ждет его еще с утра. Сейчас юноша наблюдал за репетицией в зале.

— Позови его ко мне, — распорядился Исян. — Мне как раз нужно кое о чем его спросить.

Гао Чэнь, понимая, что к наставнику пришел посетитель, не стал задерживаться. После короткой прощальной беседы он поднялся и поклонился. Мужчина отказался от предложения проводить его до выхода. Надев черную маску и закинув гитару на плечо, он неспешно пошел по коридору.

Навстречу ему шел человек. Издалека заметив знакомую простую одежду, Гао Чэнь сразу узнал юношу, которого встретил в галерее.

Мо Мин тоже узнал его. Он не замедлил шаг, лишь вежливо кивнул; в его глазах на мгновение мелькнула мягкая улыбка, и они спокойно разминулись. Гао Чэнь остановился и обернулся вслед этой фигуре, которая всё еще казалась ему удивительно знакомой. Когда он увидел, что юноша вошел в кабинет Чжоу Исяна, он нахмурился, вспомнив слова ассистента о некоем Мо Мине.

«Мо Мин?»

«Какое странное имя...»

***

Войдя в кабинет, Мо Мин еще не успел заговорить о своем возвращении, как Чжоу Исян строго спросил:

— Я сегодня обедал с режиссёром Лю Хэкунем. Он сказал, что ты отказался от роли второго плана в его новом фильме?

Юноша опустил голову и тихо произнес:

— Учитель, я хочу поскорее вернуться в труппу...

Чжоу Исян тяжело вздохнул и принялся наставлять его:

— В театр ты можешь вернуться когда угодно! Даже став известным актером, ты мог бы время от времени приходить и играть пару спектаклей. Но попасть в фильм к Лю Хэкуню — это шанс, который выпадает не каждому. Когда он рассказал мне об этом сегодня, я чуть со стула не упал от злости на тебя.

Мо Мин сидел, положив руки на колени, и послушно молчал, опустив голову. Но именно это молчаливое упрямство больше всего досаждало наставнику. Этот на вид кроткий и безобидный юноша на самом деле был самым твердым и волевым из всех его учеников. Большинство актеров его труппы мечтали пробиться в кино, и Исян всеми силами использовал свои связи, чтобы помочь им. И только Мо Мин, обладая блестящими данными, игнорировал перспективы в киноиндустрии и всем сердцем стремился обратно на театральные подмостки.

Видя поникший вид юноши, Исян не нашел в себе сил продолжать отчитывать его. В конце концов, сниматься в кино или играть в театре — это личный выбор.

— Сяотан говорила мне, что ты влюбился, — Чжоу Исян отхлебнул чаю и внезапно мягко спросил: — Говорят, даже приводил кого-то в театр на спектакль. Почему же не завел за кулисы, не познакомил с учителем?

— Это не так, — Мо Мин поднял взгляд и серьезно ответил: — Мы просто друзья. Сяотан всё неправильно поняла.

Исян замер, нахмурившись. Он не знал, кому верить. Наставник никогда не следил за сплетнями в сети, но слышал, как молодежь в театре обсуждала Мо Мина. Говорили, что он встречается с каким-то богатым наследником, и даже видео их близости гуляло по интернету.

— Но в сети пишут...

— Это всё пустые домыслы, — перебил Мо Мин. — Учитель, вы же знаете: стоит артисту стать хоть немного популярным, как вокруг него сразу начинают плодиться слухи.

Чжоу Исян посмотрел в честные глаза юноши и, немного подумав, кивнул. Поверил.

Обсуждая возвращение в театр, Мо Мин в итоге принял совет наставника: дожидаться окончания съемок реалити-шоу, а потом уже заняться детальным планированием. Как раз к концу месяца должен был появиться новый сценарий — это отличная возможность включиться в репетиции и войти в рабочую форму.

Перед уходом юноша напомнил Исяну об ужине с Ся Сяотан и Ци Юэ в это воскресенье, то есть завтра вечером. Когда он приходил с Хань Шаочжоу на спектакль и случайно встретил Сяотан в ресторане, он пообещал ей, что как-нибудь пригласит её, Ци Юэ и учителя на горячий котелок. Сегодня девушка тут же напомнила ему об этом.

— У меня в последние дни изжога мучает, так что горячий котелок я не осилю, — сказал Чжоу Исян. — Идите без меня.

— Ничего страшного, учитель, мы можем пойти в обычный ресторан.

Исян подумал, что и правда давно не выбирался никуда со своими учениками, и кивнул:

— Хорошо. Если не возникнет никаких срочных дел, я присоединюсь к вам. А если что-то помешает — посидите сами, времени впереди еще полно.

Когда Мо Мин уже открывал дверь, чтобы выйти, Чжоу Исян произнес с теплым, но грустным выражением лица:

— Мо Мин... если ты действительно полюбишь кого-то, обязательно приведи его ко мне.

Юноша обернулся и с улыбкой кивнул.

— Столько лет прошло... Прошое должно остаться в прошлом. Человеку нужно смотреть вперед, верно?

Раньше, когда Исян верил, что Мо Мин влюблен, он чувствовал лишь облегчение. Но теперь, когда тот всё отрицал, казалось, что в его жизни ничего не изменилось.

Юноша медленно опустил взгляд на пол и спустя долгую паузу тихо проронил:

— Да.

***

Мо Мин пробыл в театре до четырех часов дня. В перерыве между репетициями он отозвал Ся Сяотан в сторону и серьезно заявил ей, что у него нет никаких романтических отношений с Хань Шаочжоу.

— Вы расстались? — Сяотан округлила глаза от изумления. Спустя пару секунд её лицо искажилось, словно она осознала некую горькую истину. Она нахмурилась и понизила голос: — Неужели это из-за того, что вернулся этот Вэнь Цы?

Поняв, что переубедить девушку невозможно, Мо Мин просто сдался.

— Да, мы расстались. Причин было много, — кивнул он.

Лицо Ся Сяотан выражало целую гамму чувств: изумление, гнев, печаль, сочувствие... В конце концов она хлопнула юношу по плечу и с негодованием произнесла:

— Я так и знала! Этот тип по фамилии Хань — та еще дрянь. В интернете пишут, какой он преданный, тьфу! Играть чувствами других, чтобы доказать свою любовь кому-то третьему — да

он просто подонок.

— ...Нет, на самом деле он неплохой человек.

С самого начала их отношений Хань Шаочжоу четко определил правила. И за эти три года — будь то в роли любовника или партнера — Шаочжоу всегда вел себя достойно. Даже если им суждено разойтись, это будет мирное расставание.

***

Погода ненадолго прояснилась, но вечером снова разразилась гроза.

Приняв душ, Мо Мин растянулся на диване и включил фильм. Хань Шаочжоу еще утром прислал сообщение, что освободится пораньше после банкета и придет к нему, поэтому просил дождаться в апартаментах.

Около десяти вечера, когда фильм закончился, Мо Мин незаметно для себя погрузился в глубокий сон прямо на диване. Проснулся он от того, что кто-то нежно целовал его. Юноша медленно сел и, протирая глаза, уставился на человека перед собой.

— Брат Чжоу... — пробормотал он.

Хань Шаочжоу только что вернулся со встречи. Несмотря на строгий костюм, он выглядел уставшим и немного захмелевшим. Войдя в квартиру и увидев спящего на диване красавца-любовника, он почувствовал, как тяжесть на душе мгновенно исчезла. Мужчина тут же принялся осыпать его поцелуями, пока тот не проснулся окончательно.

Мо Мин, еще не до конца придя в себя, потянулся вперед и обнял Хань Шаочжоу за шею. Прижавшись щекой к его плечу, он сонно пробормотал:

— Брат Чжоу, ты сегодня много работал... Устал.

Но в следующую секунду он почувствовал резкий запах табака, исходивший от одежды Шаочжоу. Юноша отстранился, не скрывая гримасы неприязни.

— Плохо пахнет... — тихо пожаловался он.

Хань Шаочжоу не сдержал смеха. Вся усталость вмиг улетучилась. Он крепко поцеловал юношу еще дважды, подхватил его на руки и весело произнес:

— Пошли, поможешь брату Чжоу принять ванну.

<http://bllate.org/book/15854/1438812>